

ТРАДИЦИИ КОСТЮМА КУЛАЧНЫХ БОЙЦОВ

Г. Н. БАЗЛОВ

Говоря о традиционном костюме тверского кулачного бойца, необходимо оговориться, что речь идет не о каком-то особом фасоне костюма, а скорее о моде в среде кулачных бойцов и о своеобразных способах ношения обычной крестьянской одежды. Это отличная от прочих мода и манера ношения одежды особенно ярко проявлялась во время обрядовых действий кулачных бойцов, когда каждый элемент одежды становился своеобразным символом, посылающим совершенно конкретные и понятные всем участникам сообщения.

Некоторые элементы одежды наделены особой смысловой нагрузкой, что позволяет нам видеть в них некий прототип-предшественник данного элемента костюма, вероятно, более отчетливо связанный с транслируемой символикой. Один из самых значимых элементов костюма — кафтан, «шуга», пиджак («пинжак»).

Пинжак со спущенным правым рукавом носили на боевые праздники, так дрались. Открытая правая рука становилась более подвижной, левый рукав хорошо защищал запястье и предплечье от ножевых ран. «<...> Рукав на руку накрутишь, та еще там задник, ножом уже не порезать; даже просто рукав рубахи и то — не прорезать...» (д. Каменка Рамешковского р-на)⁸⁹. «С руки — с правой рукав, чего там сверху есть у тебя, лучше снять, тогда бить ей свободнее-лучше» (д. Мошки Торжокского р-на)⁹⁰.

Проходя по деревне в таком виде, парень объявлял о своем намерении вступить в противоборство: «Дак уж видишь, конечно, рас он идет такой расфуфыренный дак это драться, куда ж еще-то» (д. Сельцо Удомельского р-на)⁹¹, иногда так одевались призывники, на проводах (по воспоминаниям, перед войной) — это считалось признаком удали и молодечества (Калининский р-н).

Любой другой способ ношения, наброшенного на плечи пинжака — кафтана-«шуги» — изменял значение послания.

Пинжак, взятый за ворот и переброшенный через одно плечо, сообщал о желании не участвовать в событиях либо о решении уйти с праздника. Такого обычно не задирали, уважая его права (д. Амакино

Рамешковского р-на)⁹². Если пинжак набрасывался на оба плеча, а руки в рукава не просовывались, то его хозяин вполне мог рассчитывать на драку, так как это было объявлением презрения к опасности, которое мог проверить любой кулачник: «Набросишь так и идешь, все видят, что я ни кого не боюсь» (д. Поляны Удомельского р-на)⁹³.

Если парень набрасывал свой пинжак на плечи девушке, то она считалась занятой. Ее можно было «отбить», т.е. кулаками доказать сопернику свое право, но только в ее отсутствии. Пока пинжак на плечах, права парня неоспоримы (д. Васильевское, д. Никольское, д. Борихино, д. Никулино Калининского р-на, некоторые районы г. Тверь)⁹⁴.

Эта этикетная норма очень близка казачьему обычаю: желая объявить девушку своей женой, казак при всех накрывал ее полой кафтана, это считалось законным объявлением брака: «В это время желающий взять разведенную подходил к ней, покрывал ее полой своего казакина, и брак этим знаком прикрытия был совершен. Форма прикрытия полой, — говорит известный донской историк Сухоруков, — считалась самой важной и как бы снимала бесчестие развода»⁹⁵. Смысл этого жеста близок выражениям «взять под свое крыло», «быть под покровом», «под защитой».

Верхняя одежда действительно часто играла роль щита. Например, существовали приемы отбива атакующей руки противника при помощи натянутого ворота, отражение брошенного ножа полой кафтана, отбивание ножевого удара замотанным в пинжак предплечьем (д. Кушалино, д. Симоново, д. Рождество, д. Бухлово, д. Каменка Рамешковского р-на, д. Славково, Кашинского р-на, д. Василево Торжокского р-на, д. Кресты Удомельского р-на).

Защита «покровом» верхней одежды, на наш взгляд, помимо практических целей имела и мифологическую мотивацию.

Традиция мужских артелей — это несколько видоизменившаяся культура родовых боевых групп, которые складываются еще в период присваивающего хо-

⁸⁹ «Утаман» Зуй, зап. 1992 г.

⁹⁰ М.И. Андреев (1918 г.р.), зап. 1991 г.

⁹¹ К. Реброва, зап. 1996 г.

⁹² Дядя Толя (фамилию не назвал; 1933 г.р.), зап. 1993 г.

⁹³ С.И. Озерской (1921 г.р.), зап. 1985 г.

⁹⁴ Записи 1990 г.; обычай сохранялся до 80-х годов включительно.

⁹⁵ Савельев Е.П. Древняя история казачества. Новочеркасск, 1915. С. 270.

зяйства и позднее, при переходе к хозяйству производящему, консервируют многие культовые обычаи охотников-промысловиков и вольных повольничьих боевых (например, ушкунных) дружин. Новгородские былины сохранили описание многих черт артельного уклада в быту, в ритуале, в способах боя (например, «Василий Буслаев», «Костя Новоторжанин и атама-ны»⁹⁶ и др.).

Формы родового и кланового тотемизма ярко выражены в мужских боевых группах, в виде симпатии к какому-либо боевому зверю, являющемуся эмблемой дружины, ее эталоном в охоте и сражении. Наиболее известные примеры: Буй-тур Всеволод, Сокол-Рюрик, Пардус-Святослав, Иван-Быкович, оборотень-Вольга.

Новопосвященный в боевую артель, пройдя испытания, должен был получать символы принадлежности к группе, которыми обычно являлись эмблемы тотемного животного.

В сказках «Медвежье ушко»⁹⁷ и «Три царства»⁹⁸ — это ухо. В некоторых охотничьих артелях бывалые охотники носили волчий зуб как залог удачи. В погребениях Фатьяновской археологической культуры обнаруживают подвески из волчьих и медвежьих клыков. Напомним, что эти могильники (покойников погребали в камерах, завернув в шкуру) принадлежат древним северным индоевропейцам эпохи бронзы, которые составляли единую культурно-историческую общность и занимали во втором тысячелетии до нашей эры почти всю центральную лесную зону России, причем их общественная организация имела подчеркнuto военизированный характер⁹⁹. Аналогичные подвески из зубов зверей находят в славянских погребениях раннего средневековья¹⁰⁰. Иногда зверя — союзника отправляли на «тот свет» в качестве провожатого или охранника: «В двух курганах (19, 16) в насыпи были совершены захоронения волков; в кургане 13 животное лежало скорченно на левом боку, на вершине насыпи, а в кургане 19 — на правом боку, в яме»¹⁰¹. В мифологии и обрядовой практике (например, в святочном ряжении) символ зверя — шкура, накидка или верхняя одежда подбитая мехом, заменяющая настоящую шкуру.

Воины в шкуре волка, медведя, льва, тигра — любимые персонажи богатырской мифологии. Традиция ряжения зверем достаточно целно сохранилась в святочной и масленичной обрядности. В с. Сельцо Удомельского р-на на святки «чудили» в волчьих и лисьих шкурах, набросив их на плечи, подвязав морду на шапку, пропустив переброшенные через плечи лапы, под кушак. Раскрашивали лица. Там же, в Помостье, в

ныне не существующей деревне Росстанье, «чудили» в медвежьих шкурах: в Озерах двое одевались в одну выделанную медвежью шкуру, а в д. Городищи надевали выделанную медвежью голову.

Повсеместно была распространена имитация волчьей или медвежьей шкуры — вывернутой шубой. В таких случаях овчина являлась символической заменой волчьего или медвежьего меха.

Нередко «медвежья шкура» — из соломы¹⁰², а волк — просто наброшенный на голову пиджак (д. Русино Рамешковский р-на). При такой свободной замене реальной звериной шкуры, сохранилось представление о защите бойца тотемным животным, в которое он обобщается во время боя или ритуального танца.

В древности отношения тотема и человека были обусловлены взаимными обязательствами, на которых зиждется тотемизм: тотем обязан помогать человеку, защищать его, раскрывать секреты охоты и боя. В свою очередь человек не охотится на такое животное, либо, убивая, не оскверняет его шкуру бытовым использованием, подкармливает «своего» зверя¹⁰³.

Боевые танцы с пинжаком — *буза, веселый, под драку* — живой отголосок древнего охотничье-воинского танца, со шкурой-символом любимого зверя-союзника. По мнению А.М. Мехнецова, данный разряд танцев относится к обряду *приуготовления* и служит для включения человека в реальность экстремальной ситуации. Можно без натяжек назвать такой пляс *военным танцем*, после которого, по логике обряда, должны были начинаться военные действия. В подобном случае танец являлся еще и объявлением войны.

Необходимым элементом консолидации артели через боевой пляс является образ боевого зверя. В этом смысле не случайны названия танцевальных колен: *волчек, соколик, петух, горбатый* (т. е. медведь). Характерный символ принадлежности к дружине, имеющей эмблемой боевого зверя, — шкура в руках пляшущего. Этот знак посвящения настолько важен, что он переживает реальные шкуры в обрядах, заменяясь на символ шкуры тотемного зверя — кафтан, пинжак, шугу. Бузящий размахивает пинжаком вокруг себя, бьет им о землю, рычит и, в конце концов, набрасывает его себе на голову и спину, моделируя оборачивание в боевого зверя (Жарковский, Западновинский, Лихославльский, Бологовский, Рамешковский, Калининский р-ны).

Таким образом, особая символика ношения верхней одежды, сложившаяся в древних промыслово-охотничьих артелях и воинских дружинах, вероятнее всего, выполняла совершенно определенную сигнальную функцию во время ритуала, войны и охоты.

Близка, а иногда и нераздельна с мифологией «накидки» символика мужского головного убора — шапки, колпака, шлема. Обнажение головы (это касается как шлема, так и шапки) — акт открытости, почтения, засвидетельствование своей подчиненности кому-либо или чему-либо. Мы снова сталкиваемся с символикой

⁹⁶ Из личного архива автора.

⁹⁷ Русские волшебные сказки. Антология. М., 1992. С. 288.

⁹⁸ Там же. С. 324, № 71.

⁹⁹ Гадзяцкая О.С. Памятники фатьяновской культуры. Ивановско-горьковская группа // Археология СССР. Вып. VI-21. М., 1976.

¹⁰⁰ Седов В.В. Восточные славяне VI — XIII вв. М., 1982. С. 85.

¹⁰¹ Черных Е.М. Предварительные итоги исследования курганной группы у деревни Большая Коша // Памятники железного века и средневековья на верхней Волге и верхнем Подвинье. Калинин, 1989. С. 58.

¹⁰² См. Курочкин А.В. Ритуальные поединки ряженных на Украине // Живая старина. 1996. № 4. С. 21.

¹⁰³ Токарев С.А. Ранние формы религии. М., 1990. С. 70, 82.

покрова и обнажения. Человек с покрытой головой — ровня собеседнику, он как бы загорожен от него и самодостаточен. Встречаясь, мы выражаем друг другу расположение, обнажая голову, причем младший по возрасту или должности делает это первым.

Особенно ярко выражена символика защиты головным убором в воинской среде. Видимо, это произошло под влиянием реальной защитной функции шлема, наплечника, каски и т.д. Нельзя исключать также и буквальные защитные свойства одежды: т. е. от дождя, холода, солнечного удара.

Необходимо особо отметить, что любой вид головного покрова всегда очень символичен. У женщин он декларирует возраст и социальное положение, у мужчин — возраст, социальное положение, должность в армии или боевой дружине. Он может также соответствовать воинскому званию, обозначать принадлежность к тому или иному роду войск, своей или чужой боевой группе, армии.

Помимо всего выше описанного в культуре боевой артели, как и в неуставной армейской традиции, расположение шапки или фуражки на голове могло выражать внутренний мир хозяина, его намерения.

В Тверской, Псковской, Новгородской, Вологодской и других соседних областях шапка, надетая ровно на середину головы без наклона означала ровное, взвешенное настроение хозяина. Так ее надевали, когда намеревались общаться с государственными чиновниками, фотографироваться всей семьей или чтобы произвести впечатление серьезного человека (д. Поляны, д. Сельцо, д. Званица Удомельского р-на, д. Черново, д. Перелог, д. Толстяков. Рамешковского р-на Тверской обл.).

Кепка или шапка, надвинутая на глаза, во время боевого обряда объявляла всем о слишком нервном настроении ее обладателя и о нежелании участвовать в общих забавах — «не суйся — можешь получить нож» (Верхнее Помостье, д. Званица).

Тот же головной убор, сдвинутый на затылок, означал желание бойца подраться. Любой был вправе вызвать его «на задор». Такое ношение шапок обычно сопровождало времени обрядового прохода («по деревне»), когда артельщики шли на место традиционных состязаний, называемое «пятачок», «кресты», на горку или на мост. На самом месте боев такой способ ношения шапки служил невербальным способом вызова на бой (Помостье Максатихинского р-на, Рамешковский р-н Тверской области и др.). После сражения кепка оставалась сдвинутой на затылок, вплоть до возвращения в деревню¹⁰⁴.

Исходным мотивом такого обычая могла служить традиция ритуального обнажения перед боем, о чем речь пойдет ниже. Наряду «с шапкой на затылке» су-

ществовал обычай ношения «набекрень», при этом головной убор сдвигался к уху на правую или левую сторону головы. В былинах и сказках мы часто встречаем героя, у которого «шубка накинута на одно плечо, а шапочка на одно ушко...». Нам известно, что в русской армии XIX в. в кавалерии, устав предписывал носить фуражку сдвинутой набок, чтобы она не мешала при воображаемом взмахе саблей. Можно было бы допустить, что такой способ ношения шапки был воспринят боевой артелью из кавалерии в XIX в. Однако эпические портреты богатырей заставляют нас думать о некоей древней воинской традиции ношения головного убора, которая могла появиться как следствие приспособления к условиям конной рубки, но скорее всего, была символом бойца-рубача. Оторвавшись от чисто кавалерийской культуры, она стала атрибутом бойца вообще и кулачного бойца в частности.

В культуре боевых артелей человек, носящий таким образом картуз или кепку, воспринимался всеми как озорник и забияка: «... Сразу видно мазурик — шапку вон заломил...» (с. Млево Удомельского р-на). Такой способ ношения близок предыдущему. Иногда шапку носили, одновременно сдвинув ее и на затылок, и набок, в этом положении транслируемая символика обоих способов сливалась.

К древним архетипическим жестам относится, по всей видимости, обычай бросания шапки на землю. Вот как поется об этом в ритуальной припевке «под драку»:

Утаман снял серу шапку,
На дорогу положил.
Вынул ножик из кармана
И сказал: «Не победим!»

В боевой артели шапка, брошенная на землю являлась клятвенным жестом «умереть, но не отступить», не выходить из сражения до конца. Очень близкий по смыслу ритуальный жест мы встречаем в обычаях донских казаков: «Инициатором похода мог стать любой казак. Для этого он выходил на площадь казачьего селения, снимал шапку, кидал ее на землю и сообщал обступившим его товарищам о своих намерениях. Те, кто хотел участвовать в замышлявшемся походе, бросали свои шапки рядом с шапкой оратора и становились около него. Так набирались внушительные партии отважных «гулебщиков»¹⁰⁵.

Шапка воина, выражавшая его статус и символизировавшая его принадлежность к сословию бойцов, в обрядовой ситуации могла замещать человека, представляя его в формируемом отряде. Видимо, в связи с этим ритуальный действием сложилась поговорка «шапками закидаем», что, вероятно, означало «нас собираются на бой очень много, у нас явно численное преимущество». Могло это также означать ритуальное обнажение перед боем, аналогичное обнажению торса.

До двадцатых годов XX века в тверских деревнях мужики носили косоворотки-«косухи» (д. Тихорево Рамешковского р-на). Причем во многих районах области встречался весьма архаичный, средневековый

¹⁰⁴ В современной армейской неуставной культуре фуражку на затылке носят «дембеля», демонстрируя свое превосходство над «молодыми». В случае, если молодой попробует так надеть фуражку, то он вынужден будет кулаками отстаивать это право перед старослужащими, что практически невозможно до прохождения всех положенных неуставной культурой инициаций — «переводов».

¹⁰⁵ Агафонов О. В. Казачьи войска Российской империи. М., 1995. С. 132.

крой косоворотки — «голошейка». Ее особенность состояла в том, что ворота-стойки не было. Вместо него — косой вырез, застегивающийся на груди у левого плеча. Подол рубахи был достаточно длинный, чуть не до колена. В Удомельском районе это объясняли необходимостью прикрыть передний вырез-гульфик на портах (с. Млево).

Перед праздником, на котором ожидалась драка, рукава на запястьях обматывали кожаными ремнями или материей. Для дополнительной защиты рук от ножей и палок, а также для предохранения лучезапястных составов от травм в кулачном бою.

Во время пляски «под бузу» парни вызывали друг друга на бой. Нужно было воткнуть нож в землю перед соперником, и если он хотел драться, то выходил плясать (д. Каменка Рамешковского р-на, с. Сельцо Удомельского р-на и др.). Во время пляса «бузники» определяли степень жестокости боя. Чтобы вызвать противника на увечный бой или на бой «на смерть», пляшущий снимал с себя рубаху или разрывал ее у себя на груди. Принявший вызов боец должен был повторить жест (Рамешковский, Калининский, Удомельский р-ны). Из истории славян мы знаем, что обнажение перед боем у восточных славян означало готовность умереть; торжественную встречу последней битвы, в которой важно, погибая, прихватить с собой побольше врагов. Обряд разоблачения перед сражением мог означать, что вступая в битву, как на дорогу, ведущую в вечность, воин принял свою судьбу, он полагается только на Божью волю и поэтому торжественно отказывается от всех оберегов¹⁰⁶, в частности от пояса.

Пояса носили разные. Обычно — не широкие, с кистями. На праздники к поясу привешивали ножик в чехле — неотъемлемый элемент русского национального мужского костюма, иногда — гирьку-кистень. По рассказам, после «Сталинского» указа о запрещении ношения холодного оружия мужики стали избегать демонстрации оружия — прятали его в брюках, на груди, в сапоге и лишь изредка — на большие праздники — открыто носили ножи и кинжалы на поясах. Все опрошенные кулачные бойцы единодушно оценивали нож как символ мужчины, воина, свободного человека, подчеркивали его обязательную принадлежность костюму: «Без ножика никто не ходил — позорно...» (с. Ведное)¹⁰⁷. Право носить оружие они воспринимают как естественное, более того, считают это необходимым условием безопасности и обязанностью мужчины.

В древних новгородских традициях было выделять воинскую, боярскую знать золотыми поясами. Позднее этот обычай фиксируется в новгородской знати — у окупечившихся бояр. В дохристианской Залесской Руси было принято украшать пояс различными привесками, по которым можно было узнать «родовую» мужчи-

ны, его религиозные предпочтения, род занятий. По поясу воина можно было судить о его заслугах. Весьма вероятно, что пояс как один из древнейших атрибутов одежды, сохранил наиболее архаичные черты племенной ритуальной символики. Не случайно в боевой артели, этой наследнице вольных боевых дружин, сохранились такие устойчивые функции пояса, как отображение знаков заслуг.

Так, в районе Кушалина (с. Ведное) нами был зафиксирован артельный обычай, по которому несовершеннолетним юношам не позволялось носить пояса и рубахи навыпуск. Они должны были заправлять подола в штаны. По принятию парня в первую (младшую) «беседу», ему разрешалось носить пояс толщиной в один палец, по прошествии трех лет — толщиной в два пальца, и еще через три года, при переходе в старшую взрослую «беседу» артели — толщиной в три пальца.

Порты кулачного бойца были обычного традиционного кроя (позднее их вытесняют брюки), но с несколько более широкими портчинами — вероятно, из-за необходимости свободно двигаться в бою. Весьма характерной чертой был напуск на сапоги «пузыри» (д. Амакино Рамешковского р-на)¹⁰⁸. Изначально это было вызвано практическим расчетом: «Портчины нужно так напустить, чтоб ножика в сапоге не видать было» (д. Хмельники Удомельского р-на, также Рамешковский, Нелидовский, Бологовский и др. р-ны).

Единообразие в типах обуви не было, однако нами замечено, что сапоги являются более предпочтительным, «фасонистым» видом обуви. Голенища всегда сминают в «гармошку», иногда даже заглаживая складки утюгом. Еще один способ изготовления «гармошки» был записан нами в д. Симоново Рамешковского р-на¹⁰⁹: стягивали веревочкой, один конец прикрепляли к голенищу, а другой просовывали под стопу ноги. Через некоторое время веревку можно было вынимать. Помимо чисто эстетического назначения «гармошка» предохраняла надкостницу голени от удара противника, являлась своеобразным протектором. В Рамешковском, Калининском, Лихославльском р-нах кулачники предпочитали сапоги «щучки», которые заказывались у промышляющих проезжих сапожников. Описывают их так: короткие сапожки с аккуратным несколько заостренным носком, на маленьком каблучке, с широким голенищем, шились из мягкой телячьей кожи. Людей, не имевших сапоги, дразнили. За пристрастие мужиков к обмоткам целое село обзывали «белоножками» (с. Кушалино Рамешковского р-на).

Взрослые мужчины, входившие в артель, носили особую стрижку: *под челку, под полечку, под чуб*; названия варьировались, но модель оставалась единой: волосы на висках и затылке коротко подстригаются или сбиваются вовсе, оставшиеся пряди от макушки до лба образуют своеобразную треугольную косицу — чуб. В традициях Верхнего Поместья — в первые «подстрижины» мальчика стричь *под челку*, и эту стрижку он носил до старости (с. Сельцо). В Рамеш-

¹⁰⁶ Так поступали запорожцы, донцы, так же готовились к последней битве вои князя Святослава, чем очень напугали византийцев, видимо, хорошо знакомых с этим обычаем русских. Обычай этот сохранялся у разведчиков вплоть до Великой Отечественной войны: «Собрался умереть, прихвати с собой не меньше трех врагов...» (зап. 1989 г.).

¹⁰⁷ М. Щепоткина (1903 г.р.), зап. 1995 г.

¹⁰⁸ Дядя Толя (фамилию не назвал; 1933 г.р.), зап. 1993 г.

¹⁰⁹ Д. Крыжов (1929 г.р.).

ковском р-не (с. Ведное) такую стрижку имели право носить только после 17-18 лет, по зачислению во взрослую партию, младшие стриглись *под ерша*, а дети — наголо. Отправляясь на драку челку зачесывали «на левый глаз» (Помостье, Кашинский р-н, Бологовский р-н), начесывали на лоб, на глаза (Кимровский р-н).

В словаре В. И. Даля даются такие значения слов челка — «знамя, значек, хоругвь, кисть, бунчуг на стяге» (ж.р., старинное); «перед кокошника» (тверск.) и чуб — «чупрунный шест»; «шест с флагом или со знаком» (старинное). По нашему мнению, большинство значений этих слов выражают сигнальный, знаковый смысл предмета. Вероятно, подобную сигнальную функцию выполняла челка и в культуре боевой артели. Представления о том, что волосы и стрижка находятся в какой-то взаимосвязи с характером и судьбой человека широко распространены на севере Тверской области. Например, человек с двумя *вьорами* (макушками) — человек счастливый (с. Сельцо)¹¹⁰. По количеству прядок (*косичек*) у первенца судят о том какой пол будет у следующего ребенка (д. Озера, Верхнее Помостье). Если у мальчика на макушке *петух* или *вихры*, то он драчун и задира (д. Поляны Удомельского р-на)¹¹¹. В связи с этим отождествлением «вихров» на макушке с петушиным гребнем хочется упомянуть обычай кормления мальчиков вареными петушиными сердцами и гребешками, «чтоб смелым был» (д. Поляны)¹¹². В русских поговорках мы обнаруживаем некоторое противопоставление мужского чуба и женской косы, причем чуб выступает в качестве характерного признака мужчины, так же как коса — отличительный признак женщины: «Коса густая (=у бабы), а чуба (=ума) нет!»¹¹³. Две поговорки из того же словаря:

«Бары дерутся, а у холопов чубы болят» и «Афицер молодой, а на нем чуб золотой», — дают нам возможность предполагать, что чуб в качестве мужского атрибута использовался и у крестьян и у дворян, т.е. в разных сословиях. Обращает на себя внимание, также эпитет «чуб золотой», вероятно, не случайно выделенный поговоркой. Аналогичным «царским» качеством — «золотой» — народное поэтическое сознание наделяет еще разве что руки и голову («золотые руки», «золотая голова»).

Трактовка ритуального жеста «зачесывания» челки-чуба требует большего накопления материала и тщательного анализа культуры кулачных бойцов. Однако уже сейчас видна его сигнально-опознавательная функция и очевидная архаика.

Неоднократно в Калининском, Рамешковском, Удомельском р-нах мы фиксировали обычай ношения серги в левом ухе «утаманами» (например, д. Арининское Рамешковского р-на)¹¹⁴, но все информаторы отмечали, что этот обычай практически исчез уже к 20-м годам нашего века и употребляется очень редко.

Рассматривая традиции ритуального ношения одежды артельщиками боевых партий Тверского Верхневолжья, мы отмечаем, что большая часть из них продиктована спецификой жизненного уклада кулачных бойцов. Одежда призвана защищать в бою, предохранять от увечья, не стеснять движений. Однако многое в ритуальном отношении к элементам одежды, специфическое поведение в обряде, обращает наше внимание на архаичные черты, связывающие ритуально-нормативную практику боевой артели с древней воинской мифологией восточных славян.

¹¹⁰ К. Реброва, зап. 1996 г.

¹¹¹ Л.А. Федорова (1915 г.р.).

¹¹² Л.А. Федорова (1915 г.р.), А. Фокина (1919 г.р.), зап. 1976 г.

¹¹³ Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 4. М., 1884. Слово «чуб».

¹¹⁴ Здесь словом «утаман» могли называть волка.